

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА.

Подъ редакціей М. П. Чеховой

Томъ IV.
(1892—1896).

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

1914.

Біографическій очеркъ.

(1892—1896).

Еще ранней весной 1892 г. стали появляться въ обществѣ и въ печати опасенія, что урожая не будетъ. Опасенія эти скоро подтвердились. Послѣ неудачнаго лѣта надвинулись тяжелыя осень и зима, въ которыя многія мѣстности были объявлены голодающими, или, какъ тогда говорилось, «пострадавшими отъ неурожая». Рядомъ съ правительственною помощью населенію возникла широкая дѣятельность въ томъ же отношеніи различныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Не могъ оставаться равнодушнымъ къ этому движенію и Антонъ Павловичъ. Наиболѣе пострадавшими отъ неурожая были губерніи Нижегородская и Воронежская, и вотъ—въ первой изъ нихъ—у Антона Павловича находится знакомый, когда-то близкій пріятель еще по Воскресенску, Е. П. Егоровъ. Тогда онъ былъ поручикомъ артиллеріи, а теперь—земскимъ начальникомъ. Антонъ Павловичъ списался съ Е. П. Егоровымъ, организовалъ среди знакомыхъ подписку по сбору пожертвованій и, въ суровую зиму, отправился лично въ Нижегородскую губернію. Здѣсь вмѣстѣ съ Е. П. Егоровымъ онъ сдѣлалъ все, что могъ. Такъ какъ голодавшее населеніе за безцѣнокъ продавало свой сельскохозяй-

ственный скотъ, а иногда даже по-просту убивало его, то являлся новый призракъ, приводившій въ уныніе всѣхъ, близко стоявшихъ къ крестьянамъ: съ наступленіемъ весны не на чемъ было бы пахать, и, слѣдовательно, предстоящій годъ также обѣщалъ быть голоднымъ. Тогда Антонъ Павловичъ организовалъ скупку лошадей на мѣстахъ и прокормъ ихъ до весны на счетъ благотворительности, а затѣмъ раздачу ихъ безлошаднымъ крестьянамъ бесплатно, какъ только начнутся первыя полевые работы. Въ этой дѣятельности Антонъ Павловичъ чуть не погибъ: онъ сбился съ пути во время метели и уже ожидалъ своего конца.

Посѣтивъ Нижегородскую губернію, Антонъ Павловичъ отправился затѣмъ, вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ, въ губернію Воронежскую. Но поѣздка эта оказалась неудачной. Какъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, его возмущали въ Воронежѣ торжественные обѣды, съ которыми встрѣчали его тамъ, какъ писателя. Ему какъ-то странно было слышать о голодѣ и въ то же время присутствовать на обѣдахъ, когда вся губернія страдала отъ недорода. А между тѣмъ, на этихъ обѣдахъ рѣшались тѣ или другія мѣры по облегченію населенію его положенія, къ тому же и поѣздка Антона Павловича съ А. С. Суворинымъ связывала его и лишала самостоятельности. Антону Павловичу хотѣлось кипучей, личной дѣятельности, которая и получила затѣмъ примѣненіе въ его борьбѣ съ надвигавшейся холерой.

Зимою того же года исполнилась давнишняя мечта Антона Павловича: онъ купилъ себѣ имѣніе. Имѣніе это находилось въ Московской губ., Серпуховскаго уѣзда, при селѣ Мелиховѣ и, какъ имѣніе, ничего изъ себя не представляло кромѣ старой, плохо скроенной усадьбы, громадныхъ пустырей земли и вырубленнаго лѣса.

Куплено оно было зря, только потому, что подвернулось подъ руку. Достаточно того, что Антонъ Павловичъ передъ покупкой ни разу въ немъ не побывалъ и въѣхалъ въ него уже тогда, когда всѣ формальности были исполнены. Во всей усадьбѣ негдѣ было повернуться отъ массы рѣшотокъ и заборовъ, такъ неудобно было расположеніе въ ней угодій и построекъ. Къ тому же Чеховы переѣхали въ нее зимою, когда все было подъ снѣгомъ и когда, за неясностью границъ, нельзя было разобрать, гдѣ свое и гдѣ чужое. Но, несмотря на все это, первое впечатлѣніе Антона Павловича было благоприятное. По крайней мѣрѣ, онъ и вида не подаль, что имѣніе ему не понравилось. Бѣлый снѣгъ, близость весны и все новые и новые сюрпризы, открывавшіеся, благодаря таянію снѣга, нравились ему. То вдругъ оказывалось, что ему принадлежалъ цѣлый стогъ соломы, который считали чужимъ, то въ саду вдругъ появлялась цѣлая липовая аллея, которой не досмотрѣли раньше за глубокимъ снѣгомъ. Началась трудовая, созидательная жизнь. Все, что было дурного въ усадьбѣ, что не нравилось, тотчасъ-же уничтожалось или измѣнялось. Весь домъ былъ переклеенъ заново. Въ самой большой комнатѣ со сплошными стеклами устроили кабинетъ для Антона Павловича; затѣмъ шли: гостиная, комната для сестры, спальня Антона Павловича, комната отца, столовая и комната матери Евгеніи Яковлевны. Была еще одна проходная комната съ портретомъ Пушкина, носившая громкое названіе Пушкинской и предназначавшаяся для случайныхъ гостей. Но, несмотря на всѣ недостатки усадьбы, на отвратительную дорогу отъ станціи (13 верстъ) и на недостатокъ помѣщенія, наѣзжало столько гостей, что ихъ некуда было положить, и приходилось иной разъ устраивать постели даже въ сѣняхъ. Семья Антона Павловича въ это время со-

стояла изъ него самого, отца и матери, сестры и младшаго брата, пишущаго эти строки. Это были постоянные обитатели Мелихова.

Едва только сошелъ снѣгъ, какъ уже роли въ хозяйствѣ были распредѣлены: сестра принялась за огородъ и садъ, пишущій эти строки—за полевое хозяйство, самъ Антонъ Павловичъ—за посадку деревьевъ и уходъ за ними. Отецъ, Павелъ Егоровичъ, съ утра и до вечера расчищалъ въ саду дорожки и проводилъ новыя.

Новаго помѣщика увлекало все: и посадка луковицъ, и прилетъ грачей и скворцовъ, и посѣвъ клевера, и гусыня, выводившая птенцовъ. Съ самаго ранняго утра, часто даже часовъ съ четырехъ, Антонъ Павловичъ былъ уже на ногахъ. Напившись кофе, онъ выходилъ въ садъ и подолгу осматривалъ каждое фруктовое дерево или розовый кустъ: то подрѣзать сучокъ, то поправить вѣточку, а то долго сидитъ на корточкахъ у ствола и что-то наблюдаетъ на землѣ. Новая жизнь захватила его всего. Земли оказалось больше, чѣмъ было нужно (213 десятинъ), и пришлось вести полевое хозяйство, но работали общими силами сами, безъ всякихъ приказчиковъ и управляющихъ, всего только съ двумя рабочими Фроломъ да Иваномъ, и работы эти составляли для новыхъ обитателей удовольствіе и потребность, хотя и не обходилось, конечно, безъ разочарованій. Обѣдали рано—въ двѣнадцать часовъ. Уже въ 11 час. утра Антонъ Павловичъ, успѣвъ поработать и много написать, приходилъ въ столовую и молча многозначительно взглядывалъ на часы. Евгенія Яковлевна тотчасъ же вскакивала съ мѣста изъ-за своей швейной машины и начинала суетиться:

«Ахъ, Боже мой, Антоша хочетъ кушать!»

Начиналось дѣрганье звонка въ кухню, находив-

VII

шуюся въ отдѣльномъ помѣщеніи. Прибѣгала съ большими встревоженными глазами Аня, и начиналось приготовленіе къ обѣду. «Скорѣй, скорѣй!» Но вотъ ужъ столъ накрытъ. Отъ множества разныхъ домашнихъ и всякихъ другихъ закусокъ, приготовленныхъ заботливой рукой Евгеніи Яковлевны, положительно нѣтъ на столѣ мѣста. Нѣтъ мѣста и за столомъ. Кромѣ пятерыхъ постоянныхъ членовъ семьи—обязательно обѣдаютъ и чужіе. Послѣ обѣда Антонъ Павловичъ уходилъ къ себѣ въ спальню, запирался, и тамъ «читалъ». Иногда это чтеніе превращалось въ объятія Морфея. Между послѣобѣденнымъ сномъ и чаемъ, который всегда накрывался въ 3 часа дня, Антонъ Павловичъ работалъ, а время отъ чая и до ужина (7 час. вечера) посвящалось прогулкамъ и труду. Самое веселое время въ Мелиховѣ—это были ужины. За ними, уставши за день, вся семья отдыхала, и велись такіе разговоры, на какіе былъ способенъ одинъ только Антонъ Павловичъ. Затѣмъ, въ 10 часовъ вечера, расходились спать. Тушились огни, и все въ домѣ затихало, только слышно было негромкое пѣніе и монотонное чтеніе: это Павелъ Егоровичъ въ своей комнатѣ совершалъ всенощное бдѣніе: онъ былъ религіозенъ и любилъ помолиться вслухъ.

Это идиллическое распредѣленіе времени приведено только къ примѣру. Оно не всегда протекало такъ идиллически. Съ первыхъ же дней, какъ Антонъ Павловичъ переселился изъ Москвы въ Мелихово, всѣ кругомъ узнали, что онъ врачъ. Къ нему стали стекаться больные за 20—25 верстъ. Приходили, привозили больныхъ на телѣгахъ и далеко увозили самого Антона Павловича къ больнымъ. Съ самаго ранняго утра передъ его домомъ уже стояли бабы и дѣти и ждали отъ него медицинской помощи. Онъ выходилъ, выслушивалъ, высту-

VIII

киваль и никого не отпускалъ безъ совѣта и безъ лѣкарства; его постоянной помощницей, «ассистентомъ», была сестра Марія Павловна. Расходъ на лѣкарства у него былъ довольно порядочный, такъ какъ пришлось держать цѣлую аптеку. Будили и по ночамъ. Пишущій эти строки помнить, какъ среди ночи къ Антону Павловичу проѣзжавшіе мимо путники привезли человѣка съ проколотымъ вилами животомъ, котораго они подобрали по дорогѣ. Мужикъ былъ внесень въ кабинетъ, положень среди пола, и Антонъ Павловичъ долго возился съ нимъ, изслѣдуя его раны и накладывая повязки. Но что было для писателя тяжелѣе всего—такъ это посѣщать больныхъ у нихъ на дому: на поѣздки къ нимъ тратилось иногда по нѣскольку часовъ, и пропададо такимъ образомъ время, необходимое для занятія литературой.

Первая весна въ Мелиховѣ была холодная, голодная и затяжная. Пасха прошла въ снѣгу. При Мелиховѣ была церковь, въ которой служили только одинъ разъ въ годъ—именно на Пасху. Пріѣхали къ Антону Павловичу гости изъ Москвы. Чеховы вмѣстѣ съ ними составили хоръ и пропѣли всю пасхальную заутреню и обѣдню. По обыкновенію, хоромъ дирижировалъ Павелъ Егоровичъ. Было необычно и трогательно и очень понравилось мужикамъ: это открыло ихъ души къ новому владѣльцу.

Затѣмъ началась распутица. Дороги представляли собою нѣчто ужасное. При имѣніи находились только три заморенныхъ клячи, и не было ни одного клочка сѣна. Сѣна негдѣ было даже достать. Приходилось кормить лошадей рубленной топоромъ ржаной соломой, посыпанной мукой. При этомъ одна изъ лошадей была съ порокомъ: не шла со двора. Другую кто-то подмѣнилъ въ полѣ мертвой. Такимъ образомъ пришлось долгое

IX

время ѣздить на одной только безотвѣтной клячѣ, которую прозвали «Анной Петровной». Эта Анна Петровна ухитрялась бѣгать на станцію, возить писателя на практику, таскать бревна и ѣсть одну только солому, посыпанную мукой. Но Антонъ Павловичъ съ семьей не унывалъ. Всегда ласковый, веселый, бодрый, онъ подбодрялъ другихъ, работа кипѣла, и не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ все въ усадьбѣ перемѣнилось, домъ сталъ полной чашей; застучали топоры плотниковъ, были куплены шесть лошадей, и всѣ весеннія полевые работы были выполнены безъ опозданія и по всѣмъ правиламъ науки. Объ опытѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, книгъ же по сельскому хозяйству была накуплена масса, и каждый, даже самый маленькій, вопросъ обсуждался сообща.

Повидимому, первые успѣхи сельскаго хозяйства очень радовали Антона Павловича. Десять десятинъ у него было подъ рожью, десять подъ овсомъ, цѣлые десятки десятинъ подъ покосами. На огородѣ творились чудеса: зрѣли на воздухѣ баклажаны и артишоки. Антонъ Павловичъ повеселѣлъ. Онъ уже мечталъ о томъ, что имѣніе дастъ ему тысячу рублей прибыли, но мечты такъ и остались мечтами. Засушливая весна и лѣто погубили овесъ и рожь, косьба травы сдана была мужикамъ исполу, и Антону Павловичу достался только одинъ небольшой стожокъ сѣна; только на огородѣ по-прежнему было прекрасно. Антонъ Павловичъ ходилъ по своей усадьбѣ, не унывалъ, наблюдалъ за гусями и гусенятами, по-прежнему ковырялся около фруктовыхъ деревьевъ и разговаривалъ съ всегда сопровождавшими его собаками—Бромомъ и Хиной.

Эти Бромъ и Хина были таксы, черненькій и рыженькая, и были присланы Антону Павловичу въ подарокъ еще щенками извѣстнымъ юмористомъ Н. А. Лейкинымъ.

Хина скоро зажирѣла, такъ что брюхо у нея чуть не волочилося по землѣ. Антонъ Павловичъ прозвалъ ее страдалицей. Каждый вечеръ, послѣ ужина, Хина обязательно подходила къ нему, ставила ему на колѣни переднія лапки и жалостливо и преданно смотрѣла ему въ самые глаза. Антонъ Павловичъ измѣнялъ выраженіе своего лица и разбитымъ, старческимъ голосомъ говорилъ:

«Хина Марковна!.. Страдалица!.. Вамъ бы лечь въ больницу... Вамъ-ба тамъ-ба полегчило-ба-бъ!»..

Цѣлые полчаса онъ проводилъ съ этой собакой въ разговорахъ, отъ которыхъ всѣ домашніе помирали со смѣху.

Положеніе Мелихова на большой дорогѣ и вѣсть о томъ, что вотъ-де тамъ-то поселился писатель Чеховъ, повели неминуемо къ новымъ знакомствамъ. Къ Антону Павловичу стали заѣзжать врачи и мѣстные земскіе дѣятели, завязались сношенія съ уѣздной администраціей, и кончилось дѣло тѣмъ, что Антона Павловича выбрали въ члены Серпуховскаго санитарнаго совѣта.

А тѣмъ временемъ на югѣ Россіи уже свирѣпствовала холера. Съ каждымъ днемъ она все ближе и ближе подходила къ Московской губерніи. Захватъ ея становился все шире и шире, такъ какъ она находила для себя удобную почву среди населенія, обезсиленнаго за осень и зиму голодомъ. Необходимо было принимать спѣшныя мѣры для встрѣчи холеры,—закипѣла работа и въ Серпуховскомъ земствѣ. Были приглашены врачи и студенты, но участки были велики, и, несмотря на добрыя желанія, въ случаѣ появленія холеры, все равно земство осталось бы безъ рукъ. Тогда Антону Павловичу, какъ члену санитарнаго совѣта и какъ врачу, было предложено принять на себя завѣдываніе холернымъ участкомъ. Онъ тотчасъ же согласился, безвозмездно. На его долю

XI

выпала тяжелая работа: средствъ у земства не было; кромѣ одной парусинной палатки, во всемъ участкѣ у Антона Павловича не было походнаго барака, и ему приходилось ѣздить по мѣстнымъ фабрикантамъ и убѣждать ихъ съ своей стороны принимать посильныя мѣры къ борьбѣ съ холерой. Его усилія увѣнчались успѣхомъ. Скоро весь участокъ, въ которомъ было до 25 деревень и сель, покрылся цѣлой сѣтью необходимыхъ учреждений. Нѣсколько мѣсяцевъ Антонъ Павловичъ почти не вылѣзалъ изъ тарантаса. Въ это время ему приходилось и ѣздить по участку, и принимать больныхъ у себя на дому, и заниматься литературой. Разбитый, усталый, возвращался онъ домой, но держалъ себя дома такъ, точно дѣлаетъ пустяки, отпускалъ шуточки и по-прежнему всѣхъ смѣшилъ и велъ разговоры съ Хиной объ ея предполагаемыхъ страданіяхъ.

Къ первой же осени усадьба стала неузнаваема. Были перестроены службы, сняты лишніе заборы, насажены прекрасныя розы и разбитъ цвѣтникъ, и въ полѣ, передъ воротами, Антонъ Павловичъ затѣялъ рытье новаго большаго пруда. Съ какимъ интересомъ онъ слѣдилъ, какъ подвигались на немъ съ каждымъ днемъ работы! Съ какимъ увлеченіемъ онъ сажалъ вокругъ него деревья и пускалъ въ него маленькихъ карасиковъ и окуньковъ, которыхъ привозилъ съ собою въ баночкѣ изъ Москвы! Этотъ прудъ походилъ потомъ больше на ихтиологическую станцію, чѣмъ на прудъ: я не знаю въ Россіи ни одного вида рыбы, кромѣ щуки, представителей котораго Антонъ Павловичъ не имѣлъ бы въ своемъ пруду. Этотъ прудъ былъ его дѣтищемъ. Онъ любилъ потомъ сидѣть на плотикѣ на его берегу и съ восторгомъ наблюдать, какъ на его поверхности, въ часы заката, вдругъ появлялись цѣлыя стада маленькихъ рыбокъ и стремительно скрывались затѣмъ въ глу-

бину. Еще раньше въ Мелиховѣ былъ выкопанъ превосходный колодезь. Антону Павловичу очень хотѣлось, чтобы онъ былъ на малороссійскій ладъ съ журавлемъ. Но мѣсто не позволило, и онъ былъ сдѣланъ съ большимъ колесомъ и покрашенъ въ желтую краску, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ о томъ, гдѣ рыть этотъ колодезь, и будетъ ли въ немъ хорошая вода, очень занималъ Антона Павловича. Ему хотѣлось точныхъ свѣдѣній, правильно обоснованной теоріи, такъ какъ девять десятыхъ Россіи пользуются водою именно изъ колодцевъ и съ незапамятныхъ временъ, но всякій разъ отъ приходившихъ къ нему масальскихъ землекопцевъ-колодезниковъ онъ слышалъ всегда одинъ и тотъ же неопредѣленный отвѣтъ:

«А кто жъ его знаетъ? Дѣло Божье! Развѣ узнаешь заранѣе, какая будетъ вода!»

Но колодезь, какъ и прудъ, вышли на славу. Вода оказалась превосходной. И, гуляя по берегу своего пруда и глядя на колодезь, Антонъ Павловичъ самодовольно улыбался и говорилъ:

«Ну, теперь водяной вопросъ для Мелихова уже рѣшонъ! Теперь бы еще выстроить новую усадьбу у пруда или перенести ее въ другой участокъ. Вотъ было бы хорошо!»

И онъ серьезно сталъ замышлять о постройкѣ новой усадьбы. Творческая дѣятельность была его стихіей. Его не удовлетворяло то, что было уже налицо, готово, ему хотѣлось созидать, творить новое, и, конечно, не для себя, а для другихъ. Онъ сажалъ маленькія деревца, разводилъ ели и сосны прямо изъ сѣмянъ, заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, и, какъ полковникъ Вершининъ изъ его же «Трехъ Сестеръ», глядя на нихъ, мечталъ о томъ, что будетъ изъ нихъ черезъ двѣсти—триста лѣтъ.

ХІІІ

Зима 1893 года въ Мелиховѣ была суровая, многоснѣжная. Снѣгъ выпалъ подъ самыя окна, такъ что прибѣгавшіе въ садъ зайцы становились на заднія лапки передъ самыми окнами кабинета Антона Павловича. Расчищенные въ саду дорожки походили на траншеи. Теперь ужъ Антонъ Павловичъ управился съ санитарной дѣятельностью и зажилъ жизнью отшельника. Марія Павловна уѣзжала въ Москву на службу, въ домѣ оставались только мать и отецъ, и часы тянулись необыкновенно длинно. Ложились еще раньше, чѣмъ лѣтомъ, и случалось такъ, что Антонъ Павловичъ просыпался въ первомъ часу ночи, садился заниматься и затѣмъ укладывался спать снова. Къ шести часамъ утра весь домъ былъ уже на ногахъ. Антонъ Павловичъ въ эту зиму много писалъ. Но какъ только пріѣзжали гости, жизнь круто измѣнялась. Пѣли, играли на рояли, смѣялись. Остроумію и веселости не было конца. Евгенія Яковлевна напрягала всѣ усилія, чтобы столъ ломился отъ яствъ, Павелъ Егоровичъ съ таинственнымъ видомъ выносилъ откуда-то различные, специально заготовленные, настоечки и наливочки, и тогда казалось, что Мелихово имѣетъ что-то особенное, свое, чего не имѣла бы никакая другая помѣщичья усадьба. Антонъ Павловичъ всегда былъ особенно доволенъ, когда пріѣзжали къ нему Л. С. Мизинова и И. Н. Потапенко. Онъ ихъ любилъ, и вся его семья радовалась ихъ пріѣзду. Тогда ужъ дымъ поднимался коромысломъ, ложились спать далеко за полночь, и въ такіе дни Антонъ Павловичъ писалъ только урывками, только потому, что это было потребностью его духа. И всякій разъ, урвавъ минутку или двѣ, онъ писалъ строчекъ пять—шесть и снова поднимался и шелъ къ гостямъ:

«Написалъ на шестьдесятъ копеекъ!..» говорилъ онъ, улыбаясь.

Тогда была въ модѣ «Серенада» Брага, и Антонъ Павловичъ любилъ, когда И. Н. Потапенко игралъ ее на скрипкѣ, а Л. С. Мизинова пѣла. Пѣлъ и Потапенко.

Получивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, Антонъ Павловичъ очень любилъ справлять Татьянинъ день. Не было случая, чтобы онъ не поспраздновалъ этотъ день, когда жилъ въ Москвѣ. И въ эту первую зиму 1893 года судьба забросила его на 12-е января въ Петербургъ. Вдали отъ Мелихова и отъ Москвы, онъ не забылъ «Татьяну» и тамъ собралъ въ этотъ день въ Петербургскомъ ресторанѣ «Малоярославецъ» всю семью литераторовъ. Праздновали, говорили рѣчи, и такъ удался этотъ починъ Антона Павловича, что собирались потомъ писатели и безъ него, и эти ихъ бесѣды носили названіе «Обѣдовъ беллетристовъ».

Живя постоянно въ Мелиховѣ, Антонъ Петровичъ часто наѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось останавливаться въ гостиницахъ, и здѣсь для него возникали недоразумѣнія изъ-за паспорта. Какъ землевладѣлецъ и *persona grata* въ Серпуховскомъ уѣздѣ, онъ, конечно, не нуждался тамъ въ какихъ-либо полицейскихъ удостовѣреніяхъ личности и жилъ по университетскому диплому, въ столицахъ же, при старомъ паспортномъ уставѣ, ему не выдавали паспорта потому, что онъ постоянно жилъ въ провинціи. Происходили недоразумѣнія, иногда обострившіяся въ цѣлые инциденты и заставлявшія писателя преждевременно уѣзжать домой. Тогда кто-то подаль Антону Павловичу мысль поступить на государственную службу и тотчасъ же подать въ отставку. Какъ извѣстно, отставные чиновники получали тогда вѣчный видъ на жительство отъ того учрежденія, въ которомъ служили. Сидя въ Мелиховѣ, Антонъ Павловичъ подалъ прошеніе въ Медицинскій Департаментъ объ опре-

дѣленіи его туда на службу. Всѣ переговоры по этому поводу съ тогдашнимъ директоромъ этого департамента Рагозинымъ велъ старшій братъ писателя, Александръ Павловичъ. Антонъ Павловичъ былъ опредѣленъ на должность младшаго сверхштатнаго медицинскаго чиновника этого департамента и вскорѣ же, опять-таки черезъ брата Александра Павловича, подалъ въ отставку. Съ этой отставкой онъ и жилъ до конца своей жизни.

Всю весну 1893 г. Антонъ Павловичъ провелъ на лонѣ природы у себя въ Мелиховѣ, сажалъ розы, ухаживалъ за фруктовыми деревьями и увлекался деревенской жизнью. Мелихово мѣнялось съ каждымъ днемъ. Оно стало почти неузнаваемымъ. Теперь это было уже хорошенъкое имѣніе, о которомъ стали говорить всѣ въ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, усилившійся геморрой не давалъ Антону Павловичу покоя. Онъ мѣшалъ ему заниматься, наводилъ на него хандру и мрачныя мысли, дѣлалъ его пессимистомъ. Когда-то въ дѣтствѣ, еще гимназистомъ, онъ гостилъ подѣ Таганрогомъ у своего знакомаго И. П. Селиванова, выкупался весь потный въ ключѣ и захватилъ перитонитъ. Его привезли въ Таганрогъ тяжело больнымъ, и онъ долго пролежалъ въ постели. Только благодаря доктору Точаловскому, о которомъ Антонъ Павловичъ любилъ вспоминать, онъ пережилъ свою болѣзнь, но что-то измѣнилось у писателя послѣ нея въ брюшинѣ, получилось какое-то расстройство кровообращенія, которое повлекло за собою образованіе тяжкаго геморроя, и Антонъ Павловичъ уже никогда больше не разставался съ этой болѣзнью. Онъ поговаривалъ объ операціи, но все никакъ не собрался лечь въ клинику, да ему и некогда было подумать о себѣ: стоило только припадку окончиться, какъ онъ снова веселѣлъ, расцвѣталъ, и его остроуміе прыскало во всѣ стороны и зажигало собою другихъ.

Лѣто того же года было въ Мелиховѣ особенно многолюдно. Антона Павловича посѣщали не только его близкіе знакомые, но пріѣзжали люди, съ которыми онъ не искалъ и не желалъ знакомствъ. Домъ былъ биткомъ набитъ людьми. Спали на диванахъ и по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Ночевали даже въ сѣняхъ. Барышни, писатели, мѣстные врачи, земскіе дѣятели, какіе-то дальніе родственники съ сынишками—всѣ эти люди, какъ въ калейдоскопѣ, проходили сквозь Мелихово чередой. Жизнь была ключомъ, всѣ были веселы, это многолюдство и вѣчная готовность Евгенія Яковлевны накормить и напоить казались возвращеніемъ къ старымъ добрымъ временамъ упавшей помѣщицкой жизни. Антонъ Павловичъ при этомъ былъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивалось все вниманіе. Его искали, его желали, имъ жили, каждое его слово ловилось на-лету. Оставаясь въ кругу своихъ близкихъ друзей, Антонъ Павловичъ любилъ иногда совершить прогулку по своему «герцогству», какъ онъ говорилъ, или въ ближайшій монастырь—Давидову пустынь. Запрягали тарантасъ, телѣгу и бѣговья дрожжи. Антонъ Павловичъ надѣвалъ бѣлый китель, перетягивалъ себя ремешкомъ и садился на бѣговья дрожжи. Сзади него садилась бочкомъ барышня и держалась руками за этотъ ремешокъ. Бѣлый китель и ремешокъ давали Антону Павловичу поводъ называть себя гусаромъ. Компанія трогалась; впереди ѣхалъ на бѣговыхъ дрожжахъ «гусаръ», а за нимъ—телѣга и тарантасъ, переполненные гостями.

Постоянное многолюдство само собою повлекло необходимость въ лишнемъ помѣщеніи. Въ домѣ уже не хватало мѣста. Антонъ Павловичъ и ранѣе подумывалъ о постройкѣ отдѣльнаго хутора у выкопаннаго имъ пруда или же подальше—въ другомъ участкѣ.

Но мечтамъ его не суждено было осуществиться. Въмѣсто хутора начались постройки въ самой усадьбѣ. Одни хозяйственные сооруженія были сломаны или перенесены въ другое мѣсто, другія возведены по плану самого Антона Павловича. Появились новый скотный дворъ, при немъ изба съ колодцемъ и плетнемъ на малороссійскій манеръ, баня, амбаръ и, наконецъ,—мечта Антона Павловича—флигель. Это былъ маленькій домикъ въ три крошечныя комнаты, въ одной изъ которыхъ съ трудомъ помѣщалась кровать, а въ другой—письменный столъ. Сперва этотъ флигелекъ предназначался только для гостей, а затѣмъ Антонъ Павловичъ переселился въ него и самъ и тамъ въ послѣдствіи написалъ свою «Чайку». Флигелекъ этотъ былъ расположенъ среди ягодныхъ кустарниковъ и, чтобы попасть въ него, нужно было пройти черезъ яблочный садъ. Весною, когда цвѣли вишни и яблони, въ этомъ флигелекѣ было пріятно пожить, а зимой его такъ заносило снѣгомъ, что къ нему прокапывались траншеи чуть не въ ростъ человѣка.

Приблизительно въ то-же время Антонъ Павловичъ сильно страдалъ отъ кашля. Въ особенности онъ беспокоился его по утрамъ. Прислушиваясь къ этому кашлю изъ столовой, Евгенія Яковлевна вздыхала и поглядывала на образъ:

«Опять Антоша пробухалъ всю ночь!»,—говорила она съ тоской.

Но Антонъ Павловичъ даже и вида не подавалъ, что ему плохо. Онъ боялся смутить родныхъ, а, можетъ быть, и самъ не подозрѣвалъ опасности. Пишущій эти строки самъ видѣлъ разъ мокроту писателя, окрашенную кровью. Когда онъ спросилъ у Антона Павловича, что съ нимъ, то писатель смутился, испугался своей оплошности, быстро мокроту стеръ и сказалъ:

«Это такъ, пустяки... Не надо говорить Машѣ и матери».

Кашель этотъ былъ причиной того, что въ 1894 году Антонъ Павловичъ уѣхалъ въ Крымъ. Онъ жилъ въ Ялтѣ, гдѣ, повидимому, ему не нравилось и откуда тянуло его домой.

Кромѣ кашля, его донимали въ это время перебои сердца и страшные сны. Однажды во время разговора въ Мелиховѣ со знакомымъ онъ почувствовалъ себя такъ плохо, что думалъ, что это пришла къ нему смерть. Отъ страшныхъ сновъ онъ пробуждался. Въ одинъ изъ такихъ сновъ ему приснился черный монахъ, послужившій ему потомъ сюжетомъ для разсказа того же названія. Какая-то странная сила дергала его, когда онъ засыпалъ, острая игла пронизывала его сердце, и онъ буквально подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ на кровати на полъ-аршина и въ ужасѣ пробуждался. Но это продолжалось всего только одинъ моментъ. Самъ смѣясь надъ собою, Антонъ Павловичъ ложился снова и крѣпко засыпалъ. Къ такимъ явленіямъ присоединялась еще мучительная боль въ лѣвомъ вискѣ, отъ которой происходило надоѣдавшее мельканіе въ глазу. Но всѣ эти болѣзни овладѣвали писателемъ приступами. Пройдутъ и нѣтъ. И снова Антонъ Павловичъ веселъ, шутитъ, работаетъ, и о болѣзняхъ нѣтъ и помина.

Дѣятельность по борьбѣ съ холерой и знакомство Антона Павловича съ земскими дѣятелями имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что писатель былъ избранъ въ земскіе гласные. Онъ любилъ народное представительство, охотно посѣщалъ земскія собранія и участвовалъ въ разсмотрѣніи многихъ земскихъ вопросовъ. Но наибольшее вниманіе его обращали на себя народное здравіе и народное просвѣщеніе. Чувствуя себя совершенно безпомощнымъ въ разсмотрѣніи зем-

скихъ смѣтъ и ходатайствъ передъ высшими правительственными учрежденіями, онъ живо интересовался тѣмъ, какія намѣчены къ постройкѣ новыя дороги, какія предположено открыть новыя больницы и школы. Между прочимъ, ему обязано мѣстное населеніе проведеніемъ шоссе отъ станціи Лопасня до Мелихова и постройкой школъ въ Талежѣ, Новоселкахъ и Мелиховѣ. Онъ строилъ эти школы съ увлеченіемъ. Онъ самъ составилъ для нихъ планы, самъ покупалъ матеріалъ и самъ слѣдилъ за ихъ постройкой. Эти школы были его дѣтищемъ. Когда онъ говорилъ о нихъ, то глаза его зажигались, и видно было, что, еслибы ему позволили средства, то онъ выстроилъ бы ихъ не три, а множество. Я помню его видную фигуру на открытіи школы въ Новоселкахъ, когда мужики подносили ему образъ и хлѣбъ-соль. Большой мастеръ писать, но совѣмъ не мастеръ говорить публично, онъ конфузливо отвѣчалъ на ихъ благодарность, но по лицу его и по блеску его глазъ видно было, что онъ былъ доволенъ. Вѣчно ищущій, чѣмъ бы помочь бѣдняку и что бы сдѣлать для крестьянина, онъ то строить въ деревнѣ пожарный сарай, то дѣлаетъ колокольню въ Мелиховѣ, то откуда-то выписываетъ для церковной главы зеркальный крестъ, блескъ котораго на солнцѣ и при лунѣ виденъ на цѣлыя тринадцать верстъ.

Одно время охватываетъ Антона Павловича необыкновенная жажда жизни. Ему ничего не хочется дѣлать, его тянетъ путешествовать какъ можно дальше, куда-нибудь въ Алжиръ или на Канарскіе острова, и въ то же время у него не хватаетъ ни средствъ, ни силъ, чтобы осуществить свои мечты. То ему нужно окончить какое-нибудь литературное произведеніе, то у него нѣтъ денегъ, то такъ хорошо въ самомъ Мелиховѣ, что не хочется уѣзжать. Въ 1894

году, въ первый разъ въ жизни, Антонъ Павловичъ былъ присяжнымъ засѣдателемъ. Присяжные почтили его выборомъ въ старшины. Случай далъ ему возможность судить во всѣхъ назначенныхъ къ слушанію дѣлахъ. Антонъ Павловичъ вернулся изъ Серпухова въ восторгѣ отъ суда присяжныхъ, хвалилъ и судей, и помощника присяжнаго повѣреннаго, и своихъ товарищей-присяжныхъ. По его глубокому убѣжденію, повѣренному имъ теперь на опытѣ, это была самая совершенная, доступная человѣку, форма правосудія. Не будучи въ состояніи осуществить свои мечты о далекомъ путешествіи, Антонъ Павловичъ по-прежнему заботливо ухаживаетъ за своими розами, тюльпанами, гіацинтами, сажаетъ фруктовыя деревья и съ интересомъ слѣдитъ за тремя сосенками, вышиною всего только въ вершокъ, выращенными имъ изъ сѣмянъ. Его Мелихово теперь неузнаваемо. Теперь уже у Антона Павловича приличный выѣздъ, на гумнѣ гудитъ молотилка, огородъ поражаетъ изобиліемъ овощей и въ саду много цвѣтовъ. Страстный любитель собирать грибы, писатель каждое утро обходитъ свои собственныя мѣста и возвращается домой съ горстями бѣлыхъ грибовъ и рыжиковъ. За нимъ важно слѣдуютъ его Хина и Бромъ.

1895 годъ проходитъ для писателя ровно, безъ какихъ-либо особенно выдающихся событій. А. П. проводитъ и этотъ годъ въ Мелиховѣ, приступаетъ къ писанію «Чайки» и вообще очень много работаетъ. Онъ посѣщаетъ въ Ясной Полянѣ Льва Николаевича Толстого, пріѣзжаетъ оттуда очарованный старикомъ и его семьей, и по-прежнему тихо ковыряется около своихъ любимыхъ деревьевъ и цвѣтовъ. Теперь ужъ онъ измѣнился; онъ какъ-то осунулся, постарѣлъ, пожелтѣлъ. Въ немъ происходитъ какая-то тайная внутренняя работа, и я помню, какъ, не видавшись съ нимъ около мѣсяца,

я не могъ не замѣтить въ немъ этой перемѣны. Онъ покашливалъ, его мучилъ геморрой, онъ уже не такъ оживлялся, когда я рассказывалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой провинціи, которыя онъ всегда любилъ слушать. Было ясно, что теперь ужъ онъ и самъ сознавалъ серьезность своей болѣзни, но по-прежнему никому не жаловался, старался ее скрыть отъ другихъ и, кажется, обмануть и самого себя. По-прежнему чуткій ко всему, Антонъ Павловичъ принимаетъ близкое участіе въ спасеніи журнала «Хирургическая лѣтопись», которому симпатизируетъ и которому хочетъ помочь не только потому, что ему нравится этотъ журналъ, но и въ виду его серьезнаго общественнаго значенія. Онъ обращается то къ одному лицу, то къ другому, хлопочетъ, выпрашиваетъ поддержку, и хлопоты его не остаются безрезультатны. Вообще Антонъ Павловичъ любилъ помогать, щедрой рукой раздавалъ деньги и никогда не ждалъ ихъ возвращенія. За кого-нибудь похлопотать, заступиться, помочь матеріально какому-нибудь административно сосланному—было его любимымъ дѣломъ.

Лѣтомъ 1896 г. Антонъ Павловичъ ѣздилъ въ Максатиху (станція подъ Рыбинскомъ) къ А. С. Суворину. Тогда я жилъ въ Ярославлѣ. Неожиданно моя жена получила отъ Антона Павловича записку: «Папаша пріѣдти у субботу». Когда я женился, то Антонъ Павловичъ былъ у нея посаженнымъ отцомъ, и она называла его «папашей». Этотъ пріѣздъ Антона Павловича былъ для насъ обоихъ неожиданной новостью. Онъ пріѣхалъ, переночевалъ, выкупался въ Волгѣ и на слѣдующее же утро уѣхалъ въ Мелихово. Я хотѣлъ показать ему городъ, но онъ остался къ нему совершенно равнодушнымъ. Онъ не любилъ старыхъ русскихъ городовъ съ приземистыми, пузатыми, многоглавыми церквями; для него были гораздо симпатичнѣе малень-

кіе южныя городки съ бѣленькими, покрытыми соломой, хатками и съ садами, въ которыхъ цвѣтутъ вишни и подсолнухи.

Въ то же лѣто Антонъ Павловичъ совершилъ путешествіе на Кавказъ. Это было его второе путешествіе туда, далеко не такое восторженное, какъ первое.

Въ 1896 г. Антонъ Павловичъ поставилъ въ Петербургѣ на Александринской сценѣ свою «Чайку». Она прошла чуть не со скандаломъ. Исполнявшіе ее актеры не поняли ея, въ театрѣ было «напряженное состояніе скуки и недоумѣнія», газетные отзывы были предвзяты и бездарны. Не желая никого видѣть и ни съ кѣмъ встрѣчаться, Антонъ Павловичъ прямо со спектакля куда-то скрылся и утромъ сидѣлъ уже въ вагонѣ по пути въ Мелихово. Съ этого момента его болѣзнь значительно обострилась. Слѣдующія затѣмъ представленія «Чайки», когда артисты поняли, въ чемъ дѣло, прошли съ шумнымъ успѣхомъ, но Антонъ Павловичъ остался къ нему равнодушнымъ и мирно пережилъ свой успѣхъ въ усадьбѣ.

Антонъ Павловичъ питалъ любовь къ книгамъ. Кропотливо, изо дня въ день, онъ собиралъ книги по всѣмъ отраслямъ знанія, привозилъ съ собою цѣлые ящики ихъ изъ Петербурга, и когда переселился въ Мелихово, то тамъ у него составила уже цѣлая большая, дорогая библіотека. Въ 1896 г. онъ рѣшилъ пожертвовать ее родному городу Таганрогу для Общественной библіотеки. Въ Таганрогъ было послано только самое лучшее и самое цѣнное и всѣ тѣ изданія и книги, на которыхъ имѣлись собственноручныя надписи авторовъ. Не довольствуясь этимъ, Антонъ Павловичъ вмѣстѣ съ Таганрогскимъ городскимъ головою П. Ф. Иордановымъ рѣшили продолжать это дѣло. Черезъ Антона Павловича Таганрогская библіотека стала пополняться книгами все

болѣе и болѣе, цѣлые транспорты книгъ отправлялись затѣмъ Антономъ Павловичемъ изъ Петербурга и Москвы въ Таганрогъ, а г. Иордановъ посылалъ ему списки желательныхъ изданій. Параллельно съ этимъ, по мысли Антона Павловича, при Таганрогской Городской Библіотекѣ стало формироваться нѣчто въ родѣ Справочнаго бюро. Къ услугамъ читателя должны были быть каталоги всѣхъ значительныхъ торговыхъ фирмъ, всѣ существующія постановленія и распоряженія Правительства по любымъ вопросамъ текущей жизни, всѣ руководства—однимъ словомъ, все, что могло бы оказать читателю немедленную услугу въ любой затруднительный моментъ его жизни. Таганрогская библіотека теперь вылилась въ прекрасное культурное учрежденіе и помѣщается въ особомъ нарочитомъ зданіи, сооруженномъ по проекту академика Ф. О. Шехтеля и посвященномъ имени покойнаго Антона Павловича. О дальнейшей судьбѣ Справочнаго Отдѣла я не знаю.

Вѣчно чуткій, всегда отзывчивый на всякое культурное явленіе, Антонъ Павловичъ принялъ дѣятельное участіе въ народной переписи 1896 года. Онъ по опыту зналъ, насколько это дѣло сближаетъ человѣка съ народомъ. Ему принадлежала перепись всего преступнаго населенія О-ва Сахалина, произведенная имъ по своему почину и своими собственными средствами въ 1890 году. Теперь онъ участвовалъ въ переписи вновь. Онъ изучилъ мужицкую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ близко сошелся со своими сосѣдями-мужиками, для которыхъ онъ сталъ теперь необходимымъ, какъ врачъ и какъ человѣкъ, всегда готовый дать добрый совѣтъ, и эти пять лѣтъ «Мелиховскаго сидѣнія» не прошли для Антона Павловича даромъ. Они наложили на его произведенія этого періода свой особый отпечатокъ, они повліяли на его литературную дѣятельность и сдѣлали его писателемъ

еще болѣе глубокимъ и болѣе серьезнымъ. Это вліяніе Мелихова Антонъ Павловичъ признавалъ и самъ. Достаточно вспомнить объ его «Мужикахъ» и «Въ оврагѣ», чтобы оцѣнить вліяніе годовъ, прожитыхъ Антономъ Павловичемъ въ Мелиховѣ въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ крестьянами.

Этимъ очеркомъ я заканчиваю краткую біографію Антона Павловича, какъ очевидецъ. Далѣе я уже не жилъ съ нимъ, судьба раздѣлила насъ, меня послала на службу въ далекую провинцію, а его—за границу лѣчить свою болѣзнь. Затѣмъ умеръ нашъ отецъ, и Мелихово осталось безъ хозяевъ. Пришлось его продать. Развившаяся въ бурчатку болѣзнь принудила Антона Павловича навсегда переселиться въ Ялту. О послѣднихъ годахъ жизни брата осталось въ литературѣ много воспоминаній близко знавшихъ его лицъ и друзей, и, я увѣренъ, послѣдующіе томы его писемъ послужатъ для нихъ прекраснымъ добавленіемъ и исправленіемъ и помогутъ составить болѣе обстоятельный біографическій отчетъ о послѣднихъ годахъ писателя, чѣмъ это могъ бы сдѣлать я теперь.

Мих. Чеховъ.

Настоящій томъ былъ уже законченъ, когда въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1913 г. № 26) появились письма Антона Павловича Чехова къ А. И. (магину). Къ сожалѣнію, этимъ матеріаломъ мы своевременно не могли воспользоваться.

Марія Чехова.
